

В.А.БАЧИНИН

Антропосоциология аномативного поведения

Активность людей регулируется, усиливается или, напротив, сдерживается воздействием социальных норм и ценностей, которые предназначены стимулировать созидательную деятельность и блокировать деструктивные намерения и усилия. В тех случаях, когда функции блокирования, сдерживания, торможения не срабатывают и человеческие действия выходят за пределы норм цивилизованного общежития, возникает феномен аномативного поведения, под которым обычно понимают социальные действия индивидов и групп, не вписывающиеся в рамки нормативно-ценностных стереотипов цивилизованного общежития.

Если нормативное поведение обеспечивает стабильность, устойчивость социальной системы, то функции проявлений аномативности заключается в том, чтобы обеспечивать изменчивость системы. На отклонения от образцов должного, нормативного поведения можно смотреть как на демонстрацию тех *степеней свободы*, которыми обладают элементы социальной системы в ее пределах. Градация таких степеней может быть достаточно внушительной: от слабых, едва заметных, совершенно безобидных, не вызывающих у общественности сколь-нибудь серьезных опасений, как, например, в сфере моды, до значительных и крайне опасных, обретающих вид преступлений.

Источники и очаги аномативного или, "возмущающего", поведения вносят в социальную систему внутреннюю напряженность, разрушают привычные социальные стереотипы, выдвигают наборы новых поведенческих и мировоззренческих стереотипов, стимулируют процессы переоценки ценностей.

Нормативные и аномативные формы поведения дополняют и взаимоуравновешивают друг друга. В социальном пространстве между образуемыми ими полюсами бурлит "живая жизнь" общества, рутинная повседневность перемежается с проявлением благородства и низости, с подвигами и преступлениями. И оказывается, что вполне обычным и в этом смысле "нормальным" проявлением социальности являются не только нормы, но и аномалии. Те и другие "нормальны" в силу равной необходимости, обязательности для развития социального организма. "Девиации (флуктуации в неживой природе, мутации - в живой) являются всеобщей формой, механизмом, способом изменчивости, а следовательно, и жизнедеятельности, развития каждой живой системы" [Гишинский, 1991, с. 74].

Нарушения норм - необходимый момент мирового процесса в целом и социального бытия людей, в частности. Одним из первых это отчетливо осознал и облек в онтологическо-космологическую формулу Эпикур в своем учении об отклоняющихся атомах. Девиантное поведение атомов он представил как главное онтологическое основание существования *свободы*. Позднее, уже в Новое время, европейская мысль приблизилась к пониманию свободы как важнейшего условия развития цивилизации и

Ба ч и н и н Владислав Аркадьевич - доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

культуры. Таким образом, протянулась логическая цепочка неоднозначных, но вполне явных зависимостей между аномративностью, свободой и культурой.

Причинные факторы, порождающие различные формы аномративного поведения, носят как объективный, так и субъективный, в том числе мотивационный характер. В первом случае - это различные формы социальной дезорганизованности, дефекты цивилизационной системы. Во втором - это дезорганизация нормативно-ценностных структур индивидуального сознания, лишаящая личность нравственного иммунитета против внешнего воздействия асоциальных факторов.

Если в стабильные эпохи на передний план выходят конструктивные формы аномративности, а деструктивные успешно гасятся социальной системой, то в кризисные, аномийные периоды все выглядит противоположным образом: деструктивные проявления аномративности начинают повсеместно доминировать, оттесняя далеко на задний план конструктивно-созидательную аномративность.

Существуют три основных разновидности аномративного поведения: девиантное (отклоняющееся), делинквентное и криминальное. Они различаются между собой степенью отклонения от социальных норм, а, следовательно, и мерой той общественной опасности, которую они в себе несут.

Девиантное поведение проявляется как отклонения от общепринятых культурных образцов, либо не причиняющие слишком большого вреда окружающим, как, например, в случаях нарушений норм этикета и прочих элементарных поведенческих стандартов, либо направленные своим деструктивным потенциалом в первую очередь против самих субъектов девиаций. Носителями этих отклонений могут быть как представители молодежи, находящиеся на различных стадиях незавершенной социализации, либо паразитарные социальные элементы - бродяги, бомжи, профессиональные нищие и т.п.

Наиболее тяжелыми формами девиаций являются алкоголизм, наркомания, проституция, суицид с присущей им аутодеструктивной направленностью. Их особенность состоит в том, что жертвами содержащегося в них разрушительного потенциала оказываются не только сами виновники, но и те, кто оказывается в непосредственной близости от них. Социальная опасность девиаций заключается в их способности создавать предпосылки для возникновения более серьезных и вредоносных форм асоциального поведения. Поэтому в ряде случаев девиации причисляются к противоправным деяниям и подлежат нормативному контролю со стороны органов правопорядка и соответствующих отраслей законодательства.

Существуют разные типы девиантности. Так, психиатрическая модель характеризует психические отклонения от общепринятых стандартов социального поведения и др. Этическая модель девиантности описывает отклонения от моральных и нравственных норм и т.д. Перечислять их можно достаточно долго. Сколько существует нормативных моделей социального поведения, столько и типов коррелирующих с ними девиаций.

Типологизировать различные виды девиаций можно по самым разным основаниям и, в частности, по источникам мотивации. Разум, рассудок, здравый смысл, интуиция, чувства, эмоции, страсти, аффекты, инстинкты, разнообразные бессознательные импульсы способны выступать в качестве субъективно-личностных оснований как девиантного поведения, так и соответствующих принципов типологизации.

Делинквентное поведение предполагает нарушения норм права; его конкретные акции - это всегда правонарушения, причиняющие вред отдельным гражданам, обществу, государству. Деликты в своем большинстве экстравертны, т.е. ориентированы вовне. Их деструктивный потенциал направлен преимущественно на социокультурную среду, окружающую правонарушителя.

Типовой формой делинквентного поведения является правонарушение как общественно вредное или опасное социальное действие, направленное на разрушение основ цивилизованного общежития, нарушающее нормы, зафиксированные правовыми кодексами государства. Обладая дезорганизирующим свойством, оно способно породить

негативные последствия в виде ущемления прав граждан, возникновения конфликтов и социальной напряженности, угрозы правопорядку.

В правонарушении важны его объективная и субъективная стороны. Объективность предполагает непосредственную причинную связь между социальным действием и его негативными последствиями, выразившимися в какой-либо из форм нарушения действующего законодательства. Вред, нанесенный государству, организации, лицу, служит необходимым основанием для определения степени общественной опасности правонарушения и виновности правонарушителя.

Если у человека имеются некие злые помыслы, асоциальные намерения, нигилистические убеждения, но во внешних действиях, опасных для окружающих, они не проявились, его нельзя преследовать за них средствами действующего законодательства. Для практической юриспруденции не существует феномена "мыслепреступления". Только действие (бездействие), причиняющее очевидный ущерб, может быть наказуемо.

Субъективная сторона правонарушения включает вопросы, связанные со способностью лица, совершившего общественно вредное деяние, управлять своим сознанием и волей. Имеются юридические условия, при которых деяния с вредными последствиями не считаются правонарушениями и не влекут за собой юридической ответственности. К ним относятся: 1) невменяемость лица (патологические деформации личности в форме слабоумия); 2) малолетний возраст; 3) имевшее место физическое или психическое воздействие, лишившее человека свободной воли, возможности самостоятельно принимать решения.

Правонарушения подразделяются на проступки (деликты) и преступления в зависимости от степени их общественной вредности. При этом в качестве преступлений квалифицируются наиболее опасные виды правонарушений, прямо оцениваемые в качестве таковых уголовным законодательством. Что же касается непроступных правонарушений, то они типологизируются в соответствии с определенными отраслями права — административного, гражданского, трудового и т.д.

Деликты опасны и вредны своей массовостью, способностью распространяться, обретать характер типовых поведенческих моделей, стандартных способов нарушений правовых норм.

Наиболее опасной из всех форм анормативности является криминальное поведение, несущее в себе значительный разрушительный потенциал, представляющий серьезную угрозу индивидам, их жизни, здоровью, собственности, обществу и государству. Преступления вносят дисбаланс в ситуации колеблющихся, неустойчивых равновесий, на которых держится цивилизация. Направленные против конкретных лиц, ценностей цивилизации и культуры, они разрушают экономические, правовые, моральные устои социальной системы. В силу этого криминальное поведение выделено в особую сферу практической жизнедеятельности, регулируемую специальным уголовным законодательством, предусматривающим социально взвешенные оценки и исторически адекватные наказания за каждую конкретную криминальную акцию. То есть цивилизация вынуждена в целях самосохранения создавать нормативные, защитные, репрессивные и многие другие специальные средства для борьбы с преступностью.

Разрушительная природа преступлений проявляется в том, что они направлены не только против конкретных граждан и социальных институтов, но и против самих же субъектов преступлений, поскольку разрушают остатки того лучшего, социально ценного, что еще продолжает сохраняться в их личностях.

Социальное поведение преступника складывается из трех основных фаз-этапов: а) предкриминальное поведение, предшествующее преступлению; б) поведение в момент преступления; в) посткриминальное поведение, в котором отчетливо просматриваются следы участия в преступной акции.

Только на первый взгляд может показаться, что человек с развитым морально-правовым сознанием и преступник с криминальными ориентациями существуют в со-

ответствии с разными психологическими алгоритмами. На самом деле между психологией законопослушного гражданина и психологией преступника нет принципиальных различий. Психика обоих функционирует в соответствии с одними и теми же закономерностями, хотя и до известных пределов. Различия начинаются на ее самых высоких уровнях - в мотивационных сферах, соприкасающихся с областями нравственных и экзистенциальных вопросов человеческого существования.

Если сознание законопослушного гражданина существует в двух нормативно-ценностных мирах (в метафизической сфере абсолютных ценностей и норм и в социальном мире относительных норм-ценностей морали и права), то криминальное сознание с его психическими, волевыми, ментальными свойствами пребывает еще и в третьей сфере - нормативно-ценностной реальности преступного мира. При этом главным и подлинным оно считает только третий мир, противопоставляя его двум остальным - сакральному и официальному. В итоге преступник предстает как лицо, выпавшее из культуры, как персонификация негативистского отношения к ее ценностям.

Криминальное сознание, существуя внутри социокультурной реальности, всегда несет в себе готовность к восстанию против регулятивных функций норм цивилизации и ценностей культуры, воспринимая те как репрессивные механизмы, ущемляющие его свободу. Его мотивационно-аргументационная деятельность разворачивается в двух направлениях: с одной стороны - это деструкция традиционных культурных нормативов, а с другой - попытки доказать обоснованность собственных имморально-неправовых притязаний. Когда криминальное сознание само стремится проделать работу по экзистенциальному обоснованию своих анормативных ориентации, оно либо наделяет преступление не свойственными ему, а лишь приписываемыми, оправдательными смыслами, либо же входит в состояние фрустрации или смыслового вакуума, когда с пути, ведущего к преступлению, убираются все внутренние, мотивационные препятствия религиозного, этического и правового характера.

Криминальное сознание может отличаться и совершенной чуждостью каким-либо формам рефлексии, чрезвычайной узостью кругозора. А это оборачивается для его обладателя неумением видеть и учитывать альтернативы своим действиям, а также привычкой ссылаться на неодолимую силу внешних обстоятельств. Так, по данным криминологов, 18% лиц, совершивших убийство, считали, что у них не было другого выхода. А 45% лиц, осужденных за тяжкие преступления, считали, что в аналогичных ситуациях преступление совершили бы большинство людей [Кудрявцев, 1982, с. 168].

Научно-теоретическими и прикладными исследованиями проблем преступности занимается, в основном, криминология. Аналитическая деятельность криминологов проводится с привлечением познавательных средств и методов юридического, социологического, психологического, статистического характера. Предметом криминологических исследований является конкретная эмпирическая социальная реальность, внутри которой существуют преступники, подготавливаются и совершаются преступления.

Как и всякая антропологически ориентированная дисциплина, криминология глубоко проблематична по своему содержанию. Однозначных ответов в ней гораздо меньше, чем вопросов и проблем. Кроме того, многие из предлагаемых ею ответов оказываются внутренне противоречивыми и порождают новые, еще более трудные вопросы.

Чтобы как-то избежать этих сложностей, криминологи зачастую пытаются строить свои объяснительные модели в пределах сугубо рассудочных и потому ограниченных смысловых ареалов. В результате нередко возникают замкнутые семантические сферы, внутри которых объяснения страдают отсутствием глубины и упрощенным, схематическим характером. Во избежание этого криминологии необходимы более широкие и более интенсивные контакты с сопредельными социогуманитарными дисциплинами и, в частности, с социологией преступности.

Сходство познавательных интересов и используемых аналитических средств, характерное для криминологии и социологии преступности, с неизбежностью выносит на авансцену теоретического сознания проблему взаимоотношений между этими двумя дисциплинами. Криминология, хотя и пользуется методами социологии, остается не более чем частной научной теорией. Социология преступности же, хотя и ориентирована на тот же объект, что и криминология, но по самой своей сути это общенаучная дисциплина. То обстоятельство, что она является прежде всего *социологией*, находит выражение в ее исходных установках.

Если криминологию интересуют преступники и преступления, то для социологии важны в первую очередь детерминационные комплексы, существующие в социальной системе и воспроизводящие преступность с регулярностью почти бесперебойно работающих механизмов. То есть, при сходстве объектов познания у криминологии и социологии преступности оказываются не тождественны *предметы*.

Предмет социологии занимает более обширное проблемное пространство и складывается из крупных проблемных блоков. Она способна включать проблему преступности в социальные контексты и выводить ее на уровни макросоциологических, метасоциологических и социально-философских масштабов.

Если для криминологии характерна сугубо позитивистская ориентированность и она, как правило, не выходит за пределы положительных, эмпирических и теоретических, научных знаний, то социология преступности может соединять криминологию с философией преступления, служить теоретическим "мостом" между ними.

В тех случаях, когда криминологи пренебрегают серьезной социологической подготовкой, а сам материал принуждает их к социологическим интерпретациям и выводам, последние иной раз просто удручают своей банальностью. Вот один пример. Юрист В. Лунев [1994, с. 99] предлагает объяснение следующего рода: криминальность некоторой части политической элиты предопределяется общей криминологической обстановкой в России. Или тот же автор предлагает свою типологию преступных мотивов: политические, корыстные, насильственно-эгоистические, анархистско-индивидуалистические, легкомысленно-безответственные и трусливо-малодушные [Лунев, 1980, с. 52]. Отсутствие каких-либо серьезных методологических оснований для такой типологизации, ее нестрогость, граничащая с обыденными представлениями и публицистическими штампами, выводят ее, по сути дела, за пределы науки.

Между тем криминология несет в себе, в своих исходных познавательных установках возможности как для глубоких эмпирических исследований, так и для широких социологических и даже философских обобщений. Не случайно наиболее дальновидные из криминологов говорят о том, что у этой науки есть все основания для того, чтобы перерасти в философию преступления [Шестаков, 1999]. А создатели петербургского учебника по криминологии пишут о том, что "учение о преступном поведении должно включать в себя философский и значительно шире, чем это пока сделано, психологический, а также некоторые другие аспекты" [Криминология, 1999, с. 6, 7].

Данные суждения фиксируют внутреннюю интенцию, присутствующую в криминологии и заключающуюся в ее устремленности к метасоциологическим и социально-философским обобщениям. Криминология готова к тому, чтобы взаимодействовать с социологией и философией преступности на манер сообщающихся сосудов. Их содержание будет свободно перетекать из одной сферы в другую, взаимно обогащая их. То есть это будут отношения не конкуренции и взаимных придинок, а творческого сотрудничества, где все участники останутся в выигрыше.

Общетеоретический взгляд на преступность позволяет говорить о том, что исходным основанием, обуславливающим возникновение большинства причин совершаемых людьми преступлений, выступает изначальное несовершенство социального мира в целом и его отдельных частей. Это несовершенство в полной мере распространяется на человека в проявляется в неуравновешенности тех внутренних противоположностей, что составляют его природу и сущность.

Мировая дисгармония проявляется в социальной жизни как постоянно присутст-

вующая угроза впадения социума в состояние аномии, когда "антинормы" перемещаются с периферии социального мира в его эпицентр и начинают довлеть над ним. Чем заметнее в обществе признаки кризиса, тем сложнее личности ориентироваться и выбирать между противоречащими друг другу ценностными системами и социальными императивами, тем больше для нее вероятность ошибок морального выбора. Переходные эпохи - это всегда перекрестие разных исторических тенденций и возможностей. Человек, находясь в средоточии этих скрещений, вынужден прежде чем сделать свой выбор, тщательно взвесить, проанализировать, оценить происходящее. Сопутствующие всему этому мотивационные конфликты, а затем и роковые, непоправимые проступки и преступления свидетельствуют о том, что смыслы многих значимых социально-правовых противоречий для значительного числа людей затемнены, что их содержание и логика не поддаются прояснению средствами рефлексии. В таких ситуациях личность оказывается легкой добычей асоциальных умонастроений, толкающих ее на путь правонарушений и преступлений.

В массовом сознании и в среде многих специалистов господствует убежденность, что преступления деструктивны по своей природе, а потому оказывают сугубо негативное влияние на экономические, политические, правовые и моральные устои социального порядка. Они словно взламывают те нормативные препятствия, что ограждают социальную жизнь от всего опасного и нежелательного, от того, что мешает ее нормальному течению и продуктивному развитию. Тот заряд отрицания, тот деструктивный потенциал, который несет в себе преступление, делает его как бы совершенно чужеродным образованием в социальном теле цивилизации.

Криминологи отмечают, что практически во всех больших городах существуют ареалы, не контролируемые органами правопорядка. Это локальные очаги преступности, наркомании, проституции, алкоголизма, где царит варварское, кулачное право сильного. Представляя большую социальную опасность, они, тем не менее, существуют как "особые приметы" урбанизированной цивилизации, и уверенности в том, что их можно полностью ликвидировать, нет ни у полиции, ни у властей.

Даже* в самых благоустроенных обществах преступность продолжает сохраняться, и ее уровень редко опускается ниже установившихся отметок. Могут меняться соотношения крупных и мелких преступлений, но сами они не исчезают.

Противоречия между цивилизационной нормативностью и ее криминальными нарушениями выступают как перманентная социально-историческая дуэль. При этом чем мощнее оказывается действие, тем сильнее заявляет о себе противодействие. За экспансией нормативности часто следует расширение сферы социальных аномалий, в ходе которого силы зла активизируют противодействие силам законопорядка.

То есть обнаруживается, что цивилизация и преступность сосуществуют рядом на протяжении тысячелетий. Характерно, что развитие общества, именуемое прогрессом, не устраняет ни самой дуэли между цивилизацией и преступностью, ни ее оснований. Позволяя все полнее раскрываться человеческой натуре, цивилизация создает предпосылки для проявлений как созидательных способностей, так и деструктивных наклонностей. Обнаруживается удивительное и в определенном смысле роковое свойство человека — его неспособность существовать исключительно лишь внутри отчетливо локализованных нормативных пространств. Можно сказать, что человек всегда существует на границах нормативности и аномативности. Усложняет эту проблему то обстоятельство, что данная граница проходит не только во внешнем по отношению к нему социокультурном пространстве, но и внутри него.

Индивидуальное "Я" вынуждено регулярно делать выбор между соблюдением нормативных требований, либо идти в противоположном направлении. От человека всегда требуется больше усилий в первом случае. Кроме этих антропосоциологических предпосылок существования аномативного поведения, имеются и сугубо социальные, которые были отмечены Э. Дюркгеймом [Дюркгейм, 1899] еще в XIX веке. Он прямо высказал предположение о том, что цивилизация нуждается в преступлениях и потому воспроизводит их. В качестве связующего звена, скрадывающего

разрыв между этими двумя понятиями, Дюркгейм поместил свободу. Он утверждал, что для успешного развития цивилизации необходимо существование некоего пространства свободы, внутри которого индивидам предоставлены различные возможности для самовыражения, в том числе не только для устремлений ввысь, к идеалам, но и в противоположном направлении, по пути нарушения социальных запретов. Дюркгейм прямо говорит: чтобы в обществе существовали возможности самовыражения для идеалистов и романтиков, героев и мучеников, в нем в равной степени должны существовать также возможности самовыражения и для преступников. Свобода не может существовать, если нет возможностей для отклонений в разные стороны - и к высшим формам нормативности, и к аномативности.

У аномативного поведения, при всей его, казалось бы, асоциальной, негативистской направленности, имеются свои социальные плюсы. Его эксцессы предостерегают обществу систему, указывают на недопустимость расслабленности, заставляют ее пребывать в состоянии рабочего напряжения, предпринимать превентивные меры, думать о будущем, т.е. препятствуют ее закоснению. В высшей степени это относится к той роли, которую играют во всем этом преступления. "Преступность, - писал Дюркгейм, - не только предполагает наличие путей, открытых для необходимых перемен, но в некоторых случаях и прямо подготавливает эти изменения. Там, где существуют преступления, коллективные чувства обладают достаточной гибкостью для того, чтобы принять новую форму, и преступление подчас помогает определить, какую именно форму примут эти чувства. Действительно, сколь часто преступление является лишь предчувствием морали будущего, шагом к тому, что предстоит" [Дюркгейм, 1966, с. 43].

История с судом и казнью Сократа послужила Дюркгейму подтверждением его тезиса. По его мнению, преступления, за которые Сократ был осужден афинским судом, оказались полезны, поскольку возвещали новую нравственность и были предлюдией грядущих преобразований. Так было в последующие века и с многими еретиками-новаторами.

То, что преступления необходимы и полезны цивилизованному обществу, Дюркгейм доказывает при помощи еще одного аргумента. Он предлагает вообразить идеальное общество. Пусть это будет общество святых, некий образцовый монастырь, где полностью отсутствуют какие бы то ни было преступления в собственном смысле этого слова. Идиллическая жизнь этого монастыря не способна длиться долго. Незначительные моральные проступки его обитателей начали бы вызывать у остальных точно такое же негодование, какое вызывают в обычном обществе уголовные преступления. И мера суровости наказаний за проступки оказалась бы примерно такой же, как будто это настоящие преступления.

Если преступность в цивилизованном обществе не переходит определенного порога допустимости и не обретает характера социальной патологии, то такие ее масштабы следует считать нормой, - утверждает Дюркгейм. "Делать из преступления социальную болезнь значило бы допускать, что болезнь не есть нечто случайное, а, наоборот, вытекает в некоторых случаях из основного устройства живого существа; это значило (бы уничтожить всякое различие между физиологическим и патологическим. Конечно, может случиться, что преступность имеет ненормальную форму; это имеет место, когда, например, она достигнет чрезмерного роста. Действительно, не подлежит сомнению, что этот излишек носит патологический характер. Существование преступности нормально лишь тогда, когда она достигает, а не превосходит определенного для каждого социального типа уровня" [Дюркгейм, 1899, с. 72, 73].

Преступность можно рассматривать как одну из функций цивилизации. Будучи ровесником цивилизации, она несет в себе начало некоей, не самоочевидной целесообразности. Открыто противореча нормам цивилизованного общежития, преступность одновременно оттеняет, делает более выпуклыми его преимущества. Она напоминает тень, отбрасываемую социальным телом цивилизации и постоянно сопровождающую любые движения этого тела. Она вобрала, сконцентрировала в себе все са-

мое негативное и сумеречное из того, что есть в цивилизации. Потому ареал, в котором пребывает преступность, можно сравнить еще с "подпольем" цивилизации, с ее "подвалом". Между тем, как тень является неизменным атрибутом предмета, а подвал - добротной скроенной здания, так и преступность - это рядоположенный социальный мир, от соседства которого нет шансов избавиться миру законопослушных граждан.

Принципиальная неустранимость преступлений из социальной жизни заставляет говорить о невозможности идеального, абсолютного порядка и о том, что всегда будут существовать лишь смешанные формы, представляющие собой нечто среднее между порядком и беспорядком (хаосом), т.е. разновидности некоего социального "хаосмоса". Основные признаки последнего:

- существование трех основных социальных групп: а) сторонники порядка в лице законопослушных граждан и добросовестных работников органов власти и охраны правопорядка; б) представители криминального мира; в) маргинальная прослойка, состоящая из тех, кто, официально принадлежа к сторонникам законопорядка, тем не менее не препятствует криминальным проявлениям, а то и потворствует криминальным элементам или тайно сотрудничает с ними;

- перманентная борьба между силами порядка и хаоса, сопровождающаяся потерями с обеих сторон;

- попеременные чередования в динамике противоборства периодов затишья и обострения.

Те, кто убежден в неизбежности и неустранимости преступности, а также в том, что по мере развития цивилизации ее уровень не снизится ниже определенной отметки, чаще всего рассматривают прогресс как тотальную модернизацию, отменяющую многие позитивные традиции и заповеди, разрушающую вековые иерархии ценностей, влекущую за собой снижение уровня духовности и нравственности. Констатации такого рода порождают стремление выявить то особое, специфическое предназначение, которое в данном контексте присуще преступности. И здесь можно в первую очередь говорить о том, что она, вероятно, призвана испытывать цивилизацию на прочность. Преступники провоцируют ее на усилия по совершенствованию средств сдерживания идущего изнутри деструктивного напора. При этом задача цивилизационной системы состоит отнюдь не в том, чтобы совершенно уничтожить преступность. Сознывая утопичность подобных замыслов и свою неспособность реализовать их, цивилизационная система ограничивает масштабы своих усилий с тем, чтобы не позволять преступности возрастать выше определенного порога допустимости, который, в свою очередь, зависит от конкретных социально-исторических обстоятельств и находится под контролем специальных представлений цивилизации в лице органов власти и охраны правопорядка.

Социальная среда выступает в роли объективной детерминанты, которая постоянно воздействует на состояние преступности. Это воздействие может ее активизировать или, напротив, гасить до известных пределов, но оно всегда сохраняется, никогда не исчезает. Развитие современной цивилизации не уменьшает числа преступников и преступлений. Многое из того, что сопутствует этому развитию, создает предпосылки для регулярных выходов индивидуального и массового сознания в аномативное пространство "вседозволенности", придает криминальную окраску многим элементам современной цивилизационной системы, позволяя говорить о существовании масштабной криминальной социосферы.

Некоторые авторы относят преступность к реликтовым проявлениям варварской стихии, к атавизмам родоплеменного, догосударственного существования и полагают, что она в современных условиях воспроизводит целый ряд жестких архаических социальных структур [Яковенко, 1996]. Согласно этому подходу, внутри цивилизованного общества всегда имеются носители исторически более ранних и более примитивных уровней развития сознания. Они слабо приспособлены для цивилизованного существования с его многочисленными нормативными требованиями и предпочитают

поведенческие стратегии, восходящие к временам господства социальных структур варварского типа. С этой точки зрения преступный мир выглядит как своеобразный архипелаг неоварварства, состоящий из множества островов архаических нравов, сохраняющихся на социальных пространствах современной цивилизации.

Эта, без сомнения, интересная точка зрения нуждается, однако, в уточнениях. Если некогда первобытный варвар убивал, разрушал, насиловал *в отсутствие* каких-либо признаков цивилизованного, культурного пространства вокруг него, то современный преступник убивает и грабит *при наличии* такого пространства. Если древний варвар разрушал потому, что на его пути не было морально-правовых запретов, то современный преступник знает о существовании таких запретов.

Можно, очевидно, говорить о том, что современный преступник, принадлежа одновременно двум мирам, варварскому и цивилизованному, несет в себе оба эти начала, но в силу тех или иных обстоятельств предоставляет возможность властвовать над собой началам архаическим. Это делает его гораздо опаснее древнего предка, потому что в нем, в его действиях и поступках варварский имморализм способен сочетаться со стремлением использовать в своих преступных целях все доступные ему достижения технической цивилизации.

Преступный мир - это особая форма социальности. Допуская нормативный негативизм по отношению к внешним социальным требованиям, он, однако, не позволяет вседозволенности внутри собственных структур. Напротив, внутри криминальной социосферы господствует жесткая нормативность. Она направлена своими дисциплинарными векторами не только вовнутрь, но и вовне, т.е. предписывает действовать совершенно определенным образом как по отношению к "своим", так и в отношении "чужих". В свое время Ф. Достоевский вполне определенно сформулировал этот общий криминально-дисциплинарный императив: "Будь чем хочешь, это твое дело, убийцей, мерзавцем, нищим, фанатиком, но исполняй церемонии. Церемонии же - это та связь, по которой муравейник распасться не может" [Достоевский, 1984, с. 295].

Тотальная вседозволенность недопустима, и никакая общность ее не потерпит. Поэтому наиболее типичная фигура преступника - это не демон разрушения, сметающий все со Своего пути, а субъект, способный к выборочно нормативному поведению в цивилизованной среде и к однозначно нормативному поведению внутри родственной ему криминальной среды.

Наполненный специфическим нормативно-ценностным содержанием, криминальный мир опасен способностью к самоорганизации, большими адаптивными возможностями, готовностью соблюдать неписанные правила игры с властями и правоохранительными органами. Особенно отличаются в этом направлении представители так называемой организованной преступности.

Как социальная подсистема организованная преступность обладает замкнутой, рационально сконструированной структурой властно-бюрократического характера с жесткой иерархией криминально ориентированных ролей и функций. Способная проникать своими функциональными "щупальцами" в самые разные общественные, экономические, политические, правоохранительные сферы, организованная преступность стремится удовлетворить спрос населения на нелегальные товары и услуги, специализируется на торговле наркотиками и оружием, хищениях предметов искусства, золота, драгоценностей, на изготовлении и распространении фальшивых денежных знаков. Ее отличает способность действовать предельно рационально, руководствуясь соображениями наименьшего риска и наибольшего выигрыша. Значительных успехов ей позволяет добиваться высокая криминальная квалификация участников групп, являющихся профессионалами своего дела с большим практическим опытом противоправных действий, имеющих криминально ориентированные жизненные приоритеты и пользующихся значительным авторитетом в преступном мире.

В распоряжении каждой крупной преступной группировки всегда имеется специальный мозговой центр, группа лидеров, планирующих преступные акции, контролирующих их исполнение, поддерживающих в функциональном состоянии коммуника-

тивную инфраструктуру обеспечения, куда входят подкупленные или внедренные представители государственной власти, правоохранительных органов, различных фирм в стране и за границей. Эти лидеры имеют эффективную систему защиты от судебных преследований за счет того, что, во-первых, сами они не совершают практических уголовно наказуемых действий; во-вторых, изолированы от непосредственных исполнителей, имеют промежуточный слой из легальных функционеров, связывающих "верхи" с "низами".

Борьба властей с организованной преступностью способна в определенных условиях приобретать вид особого "диалога" с элементами взаимовлияния, взаимопроникновения, сближения позиций и даже срастания. И хотя социальные роли предписывают сторонам пребывать в отношении антагонизма, непримиримости тем не менее способна превращаться в ширму, за которой могут скрываться разнообразные формы сотрудничества [Яковенко, 1996].

Связующим звеном этих двух сил становится коррупция - противоправное поведение должностных лиц, государственных чиновников, выполняющих за взятки те профессиональные обязанности и оказывающие те профессиональные услуги, которые они "бесплатно" не стали бы выполнять и оказывать. Социодинамика распространения коррупции напрямую зависит от характера осуществляемого в обществе и государстве социального контроля. Она может быть сравнительно низкой в условиях тотального социального контроля при авторитарных и особенно тоталитарных режимах. И она же начинает расширяться в обстановке совершающегося слома машины тоталитарного государства, при хаотично осуществляющейся "демократизации". В кризисно-катастрофических условиях всеобъемлющей аномии она становится безбрежной.

Наряду с группировками, организующими субъектов уголовных преступлений, существуют криминальные ассоциации, вынашивающие масштабные политические планы. Каждый субъект криминально ориентированного политического поведения вынужден существовать одновременно в двух нормативно-ценностных измерениях: его истинное "Я" пребывает в пространстве криминальных реалий, а его "маска" пребывает внутри легальных политических институтов. Эта раздвоенность создает скрытое поле внутренней напряженности. И чем больше субъективное расстояние между истинным "Я" лицедея-авантюриста и прикрывающей его политической "маской", тем выше степень возникающей таинственности и театральности. Но в отличие от обычного спектакля, имеющего художественно-эстетическую самоцель и самооценку, те политические "спектакли", которые разыгрываются субъектами криминально-политического поведения, имеют цели вне себя. Все их лицедейство подчинено логике борьбы за будущую власть. Их большая игра - это борьба не только "за", но и "против", и прежде всего против тех, кто представляет и оберегает социальный порядок, защищает нормы морали и права. Поэтому их игра - это не спектакли-праздники, а спектакли-мистификации, где силы зла, облаченные в одежды благопристойности, заполняют социальное и духовное пространство вокруг себя тотальной ложью.

Лидеры политического криминалитета способны целеустремленно формировать замкнутое нормативно-ценностное пространство своей корпоративной "морали" с присущими ей жесткими принципами самоорганизации и самосохранения. Они требуют, чтобы отношение членов криминально-политической ассоциации к ее задачам и целям было предельно серьезным и ответственным. Тот, кто пытается нарушить эти требования, ведет себя в их глазах "аморально" и заслуживает кары. Применяемое насилие, обращенное вовнутрь, выполняет консервативно-охранительную функцию как форма самозащиты и как средство сплочения этого искусственного антимира.

Несмотря на явное сходство в структуре и формах деятельности криминально-политических и сугубо уголовных ассоциаций, между теми и другими имеются существенные различия. Так, если для криминальной группы ее конечные цели ограничиваются решением прежде всего меркантильно-корыстных задач, то цели кри-

минально-политических ассоциаций выходят далеко за пределы меркантильных интересов и ориентированы на достижение политического господства, при котором все члены ассоциации смогли бы перейти в статус правящей элиты. Если ассоциированные уголовники, как правило, не бросают сознательного вызова государству в целом и государственному строю как таковому, а предпочитают иметь дело с отдельными гражданами и локальными группами, то криминально-политическая ассоциация идет на открытый антагонизм с государственной властью. Если криминальная группировка представляет собой эгоистически центрированную "вещь-для-себя" и не скрывает этого, то криминально-политическая ассоциация маскирует свой корпоративный эгоизм "дымовой завесой" лжи о якобы волнующих ее интересах народных масс.

Среди разнообразия проявлений криминального активизма политических группировок центральное место занимают политические преступления, каковыми считаются социальные действия, совершающиеся с намерениями сохранения (в условиях преступной, деспотически-тоталитарной государственности) или изменения (в условиях цивилизованной общественной системы) политического строя с использованием противозаконных методов и средств. К политическим преступлениям относятся акции, направленные против государства, подрывающие его конституционные устои и обороноспособность: государственная измена, политические заговоры, шпионаж в пользу других государств, политически мотивированные преступления против главы государства и членов правительства. Их особенные признаки соответствующим образом квалифицируются уголовным кодексом.

Другой вид политических преступлений - это деятельность лиц, создавших криминальную государственную систему, узурпировавших власть, использующих систематические репрессии против граждан, попирающих их естественные права и свободы. Таковы преступления тоталитарных режимов, их вождей и приспешников. Употребление легистских методов в духе рекомендаций "Книги правителя области Шан" имеет под собой идейно-философскую базу, суть которой - принцип тотального негативизма по отношению к гуманистическим естественно-правовым ценностям.

Можно говорить о нескольких социальных функциях, которые выполняет преступность внутри цивилизационной системы. С антропосоциологической точки зрения преступления как разновидность социальной деятельности позволяют определенным категориям индивидов реализовывать свои трансгрессивные наклонности. Внутри социального пространства всегда существуют возможности для разнообразных проявлений трансгрессивных наклонностей: путешествия, спорт, политика, сфера экономической конкуренции, наука, разные формы творческой деятельности. Но одновременно существует и область трансгрессивного резерва или ценностного арьергарда с набором видов деятельности для тех, кто не нашел себя в позитивных, созидательных занятиях. Движимые потребностями в самоутверждении, жадной остротой ощущений, духом авантюризма, меркантильными побуждениями или избытком агрессивности, они преодолевают порог, разделяющий морально-правовую и криминальную области, и устремляются от дозволенного к запретному, переходят от законопослушного поведения к противоправному.

Далее, у преступлений есть свойство испытывать прочность, крепость и надежность нормативно-ценностных структур цивилизации. Они заставляют социальное "тело" цивилизации постоянно заниматься укреплением своих "мускулов", регулярно совершенствовать и поддерживать в рабочем и боевом состоянии средства сдерживания и блокирования деструктивного напора. Поскольку этот напор идет изнутри и по множеству самых разных направлений, то в социальном пространстве, по существу, не остается ни одного участка, застрахованного от опасности криминализации. Таким образом, преступность выполняет по отношению к цивилизационной системе, вынужденной заботиться о своем самосохранении и саморазвитии, мобилизационную функцию, не позволяющую цивилизационным субъектам полностью погрузиться в состояние благодущия, эйфории и забыть о существовании опасного внутреннего противника.

В контексте макросоциологических констатации следует сказать и о способности преступлений обозначать недолжные, отклоняющиеся, гибельные линии вероятностного развития цивилизации. Общество предлагает субъектам множество разнообразных вариантов социальных действий. При этом оно стремится, чтобы самые вредоносные из них были выбракованы, а наиболее конструктивные оказались на переднем плане. Но для подобной выбраковки необходимо обладать достоверной информацией о злокачественности неприемлемых моделей социальной деятельности. В этом смысле преступность помогает маркировать такие модели и выставлять их перед общественным сознанием во всей их отталкивающей наготе. Одновременно она обозначает и обнаруживает нежелательные, но вместе с тем реальные возможности трансформаций самой цивилизации, если она уступит напору агрессивной криминальной социосферы. Фигура преступника в этой ситуации становится своеобразным олицетворением той угрожающей опасности, которая подстерегает цивилизованный мир, если он не найдет оптимальных путей и средств разрешения существующих противоречий социально-исторического процесса. Надеяться на то, что когда-нибудь человечество сможет полностью избавиться от негативных форм аномативности, оставив в своем арсенале лишь возможности для ее позитивных форм, вряд ли придется. Когда-то Достоевский заявил устами главного героя своих "Записок из подполья", что человек никогда не откажется от возможностей учинять разрушения и хаос. Потребность отклоняться от норм, нарушать запреты, как это демонстрирует библейская мифология грехопадения прародителей, укоренена в самой человеческой природе. И задача заключается не в том, чтобы избавиться от этой потребности, а в том, чтобы создавать необходимые социальные условия и предпосылки для ее позитивных трансформаций в цивилизованные, культурные формы.

Распространенное убеждение, будто по мере развития цивилизации человек становится все гуманнее, а общий уровень преступности постепенно снижается, восходит к идее линейного прогресса, т.е. к предположениям, что будущее всегда лучше настоящего, а настоящее лучше прошлого. В свете этого предположения рождается оптимистический образ будущего как эпохи разрешения всех острых противоречий, в том числе и противоречий между законом и деликтами, между защитниками правопорядка и потенциальными и реальными преступниками.

В этих утверждениях есть глубокий социокультурный смысл: человечество действительно не желает считать зло, пороки и преступления нормальными формами социальной жизни. Им движет стремление изменить все к лучшему. Тем более что в аксиологии всемирно-исторического процесса просматриваются некоторые тенденции, дающие основания для благоприятных прогнозов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гилинский Я.И.* Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория // Социс. 1991. № 4.
- Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1984. Т. 21.
- Дюркгейм Э.* Метод социологии. Киев-Харьков, 1899.
- Дюркгейм Э.* Норма и патология // Социология преступности. М., 1966.
- Криминология. СПб., 1999.
- Кудрявцев В.Н.* Правовое поведение: норма и патология. М., 1982.
- Лунеев В.В.* Преступное поведение: мотивация, прогнозирование, профилактика. М., 1980.
- Лунеев В.В.* Криминогенная обстановка в России и формирование новой политической элиты // Социс. 1994. № 8, 9.
- Шестаков Д.А.* Уголовное право и криминология // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 1999. № 2.
- Яковенко И.Г.* Цивилизация и варварство в истории России // ОНС. 1996. № 4.